

СЕМЬ ГОРОДОВ ДО РАССВЕТА · КНИГА 2

МАРК ВЕЙНАР

The background of the cover is a detailed illustration of a futuristic city at sunset. The sky is a mix of deep blue and vibrant orange, with wispy clouds. In the center of the sky, a large, glowing golden orb is surrounded by several concentric, glowing golden arcs that spread outwards. The city below is filled with tall, spire-like buildings that are illuminated from within, casting a warm glow. In the foreground, a body of water reflects the city lights and the sky. Two small figures are visible on a bridge or walkway in the water, looking towards the city.

ГОРОД, ГДЕ ЛЮБОВЬ ИМЕЕТ СРОК

РОМАН

Марк Вейнар

Город, где любовь имеет срок

«Автор»

2026

Вейнар М.

Город, где любовь имеет срок / М. Вейнар — «Автор», 2026

В Таэре любовь измеряют календарём. Любой союз получает четыреста дней, после которых пара обязана расстаться, а служба города помогает стереть чувства и начать всё заново. Тарен Ро возвращается туда, откуда когда-то бежал, чтобы защитить беременную сестру Нейру. Но Нейра не хочет снова становиться объектом чужого спасения: она намерена сама решить судьбу ребёнка и отношений, срок которых почти истёк. Лира сопровождает Тарена и пытается понять порядок, где свобода обещана каждому, но вечность запрещена законом. Когда их собственную связь заключают в рамки обязательного договора, расследование старых размыканий открывает след гораздо более крупной системы. Вторая книга трилогии «Семь городов до рассвета» — романтическая социальная фантастика о памяти, семье и цене права оставаться рядом без разрешения власти.

© Вейнар М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Четыреста дней	5
Глава 2. День триста семьдесят третий	7
Глава 3. Нейра	9
Интерлюдия. Сороковой день	11
Глава 4. Ивен Сай	13
Интерлюдия. Рабочая смена	15
Глава 5. Дом детей	18
Глава 6. Бывшая	20
Интерлюдия. День четыреста один	22
Часть II. Календарь	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марк Вейнар

Город, где любовь имеет срок

Часть I. Четыреста дней

Глава 1. Возвращение в Таэр

Тарен помнил Таэр по запаху тёплого камня после искусственного дождя.

Когда двери станции открылись, запах оказался тем же. Всё остальное изменилось — или изменился он. Круглые улицы казались уже, календари союзов на домах крупнее, красные линии Службы сезонов заметнее. Люди проходили мимо парами, и у каждой на запястьях светился номер дня.

День 12. День 286. День 399.

На четырёхсотый свет гас.

Аса Рей шла впереди, не оглядываясь. Её форма давала право открывать внутренние ворота, но у каждого поста она задерживалась дольше необходимого. Сигнал из Атрии сделал Тарена не только беглецом, но и носителем опасной идеи: город может отказаться от собственной модели и не погибнуть.

Лира смотрела по сторонам слишком внимательно.

— Не записывайте всё на лице, — сказал он.

— Я ничего не записываю.

— Вы уже мысленно составили отчёт о пяти нарушениях безопасности.

— Семь. Два моста не имеют аварийных ограждений.

— В Таэре считается, что человек должен помнить о крае сам.

— Удобный способ не ремонтировать мост.

Аса услышала.

— Атрия всегда путала заботу с поручнями.

— А Таэр — безответственность со свободой, — ответила Лира.

— Вы ещё не прошли первый контроль, а уже понимаете наш город.

— Я быстро учусь.

Тарен встал между ними.

— Мы пришли к Нейре.

— И придёте, если не заставите меня арестовать вас раньше, — сказала Аса.

Первый контроль находился в стеклянном павильоне. Служащая попросила Лиру назвать статус связи с Тареном.

— Сопровождение иностранного представителя.

— Такая форма действует только двадцать четыре часа. Затем требуется сезонный договор либо раздельное размещение.

— Раздельное, — быстро сказала Лира.

Тарен посмотрел на неё. Разговор в поезде ещё оставался между ними тонкой напряжённой линией.

Служащая провела сканирование.

— Раздельное размещение невозможно. У гражданина Ро сохраняется незавершённый эмоциональный остаток по союзу с Асой Рей. Иностранный представитель, находящийся рядом, классифицируется как потенциальная повторная связь. До оценки вы должны зарегистрировать общий срок.

Лира медленно повернулась к Асе.

- Вы знали?
- Подозревала.
- Поэтому встретили лично.
- Поэтому мне приказали встретить лично.
- Тарен положил ладонь на панель.
- Минимальный срок.
- Тридцать дней, — ответила система.
- Нам нужно меньше, — сказала Лира.
- Тогда проживите быстрее, — заметила Аса.

На экране появился договор:

Тарен Ро и Лира Весс добровольно вступают во временный союз на тридцать дней. По окончании обязуются пройти Размыкание и не возобновлять связь в течение четырёхсот дней.

Лира прочитала дважды.

- Я не подпишу обязательство не видеть его после окончания.
- Тогда Дом наблюдения, — сказала служащая. — До решения Хранителя сезонов.
- Сколько ждать?
- От пяти до сорока дней.

Нейра находилась в закрытом районе, и её союз заканчивался через двадцать семь. Выбора, который не был бы принуждением, снова не существовало.

Тарен не касался панели.

- Мы можем искать другой вход.
- И потерять дни, — сказала Лира.
- Я не хочу, чтобы ваш первый поступок в Таэре был обещанием исчезнуть из моей жизни.

- Это документ, а не решение.
- В Атрии вы только что доказали обратное.

Она посмотрела на него.

— Тогда подпишем, потому что оба знаем: несправедливый закон не создаёт нравственного обязательства.

Тарен усмехнулся.

- Вы провели три дня на свободе и уже научились опасным формулировкам.

Они приложили ладони. На запястьях появился красный круг и цифра 1.

Система назначила им квартиру в Доме временных союзов.

Аса открыла следующий проход.

- Добро пожаловать домой, Тарен.

Он смотрел на знакомые улицы и думал, что дом — не место, которое узнаёшь. Дом — место, которое всё ещё способно ранить теми же способами.

Глава 2. День триста семьдесят третий

Нейра Ро проснулась раньше Ивена и ещё несколько минут лежала, слушая его дыхание. На стене горела цифра 373.

Через двадцать семь дней их союз закончится. Город пришлёт служащего, они подпишут Размыкание, Ивен уйдёт в мужской квартал, Нейра — в Дом подготовки. После рождения ребёнка его зарегистрируют как гражданина Таэра и передадут воспитателям. Родителям разрешат встречаться с ним два раза в год в общей группе, если эмоциональные показатели останутся безопасными.

Нейра положила ладонь на живот.

Ребёнок толкнулся.

— Ты тоже считаешь дни? — прошептала она.

Ивен открыл глаза.

— С кем разговариваешь?

— С человеком, которого город пока не признаёт человеком.

Он сел, провёл рукой по лицу.

— Сегодня придёт наблюдатель.

— Знаю.

— Если мы снова откажемся подписать передачу, нас разделят раньше срока.

— Знаю.

— Ты всё говоришь так, будто знание решает проблему.

Нейра посмотрела на него. Ивен работал инженером климатического кольца, умел чинить системы, которые считались неремонтируемыми, но перед законом превращался в человека, ожидающего инструкцию.

— Я отправила сообщение Тарену.

Он замер.

— Через внешний канал?

— Атрия открыла линии. Я услышала его голос.

— Совет отслеживает родственные коды.

— Пусть.

— Нейра, ты беременна. Это не время провоцировать Службу сезонов.

— Для них любое время, когда я выбираю сама, неподходящее.

Ивен встал у окна. На площади семьи Дома выводили детей на утреннюю прогулку. Они шли группами по возрасту, в одинаковых куртках. Никто не называл воспитателей мамой или папой. В Таэре считалось жестоким привязывать ребёнка к двум людям, которые однажды уйдут.

— Я люблю тебя, — сказал Ивен.

Нейра почувствовала боль раньше радости. Здесь такие слова редко произносили после трёхсотого дня. Они звучали как отказ готовиться к концу.

— Сегодня? — спросила она.

— Сегодня.

— А завтра?

— Не заставляй меня обещать то, чего я не знаю.

— Я не прошу знать чувство. Я прошу выбрать действие.

— Остаться?

— Да.

Ивен долго молчал.

Звонок в дверь спас его от ответа.

На пороге стояла Сена Ро — руководитель Дома сорок и мать Тарена с Нейрой. Седые волосы собраны в короткий узел, на форме знак воспитателя. Она вошла без объятий.

— В город вернулся ваш брат, — сказала Сена.

Нейра ухватила за край стола.

— Где он?

— На регистрации. С женщиной из Атрии.

— Он получил моё сообщение?

— Именно поэтому вернулся. Совет требует передать вас в Центр сезонов до встречи.

— Ты пришла предупредить?

— Я пришла предложить разумное решение. Подпишите передачу ребёнка и пройдите Размыкание досрочно. Тогда вас оставят в разных районах, но не лишат гражданства.

Нейра рассмеялась.

— Ты называешь разрыв разумным, потому что всю жизнь учишь детей не ждать родителей.

Сена посмотрела на её живот.

— Я учу их не строить себя вокруг людей, которые могут уйти.

— Ты сама сообщила на отца.

— Он нарушил срок.

— Он хотел остаться с нами.

— Он хотел превратить любовь в право владеть будущим другого человека.

— А город не владеет?

Сена отвернулась.

— Тарен задавал те же вопросы. Потом ушёл, оставив меня отвечать за тебя и Дом.

— Он ушёл искать правду.

— Он ушёл, потому что умеет любить только в движении.

Нейра подумала о сообщении из Атрии, о женском голосе рядом с братом и о том, что Тарен всё-таки вернулся.

— Тогда посмотрим, остановился ли он хоть раз.

За окном цифра на городском календаре сменилась.

До общего Размыкания оставалось двадцать семь дней.

Глава 3. Нейра

Встречу устроили в зале наблюдения, разделённом прозрачной стеной.

Тарен вошёл первым и остановился так резко, что Лира почти столкнулась с ним. За стеклом стояла Нейра — живая, заметно беременная, с теми же светлыми глазами, что на старой записи. Семь месяцев поисков уместились в один вдох.

Нейра прижала ладонь к перегородке.

Тарен сделал то же самое.

— Ты долго, — сказала она через переговорное устройство.

Он рассмеялся, и смех перешёл в странный звук, похожий на кашель.

— Меня несколько раз не впустили.

— Я предупреждала про северный шлюз.

— Поэтому вошёл через стену.

— Конечно.

Они смотрели друг на друга, будто проверяли, что память совпадает с реальностью.

Затем Нейра заметила Лиру.

— Вы нашли её.

— Она нашла меня, — сказал Тарен.

— Разница важна.

Лира подошла к стеклу.

— Ваше сообщение спасло двести сорок одного человека от дальнейшей коррекции.

— Я надеялась, что вы не знали.

— Не знала. Но это не отменяет моей подписи.

Нейра кивнула. Ни прощения, ни обвинения — признание факта.

— В Таэре вашу историю уже запрещают обсуждать, — сказала она. — Значит, обсуждают все.

Тарен посмотрел на её живот.

— Кто отец?

Нейра подняла бровь.

— Начнём с того, что я рада тебя видеть.

— Я тоже. Кто?

— Ивен Сай. Мой партнёр до Размыкания.

— Он останется?

— Это его решение.

— А твоё?

— Я не отдам ребёнка Дому и не пройду процедуру.

Тарен сразу сказал:

— Я выведу тебя из города.

Лира почувствовала, как Нейра напряглась.

— Ты даже не спросил, хочу ли я уходить.

— Тебя собираются разделить с ребёнком.

— А ещё здесь живёт Ивен. Моя работа. Люди, которые помогали мне. Я хочу изменить Таэр, а не сбежать так, чтобы всё осталось прежним.

— Ты беременна. Это не время воевать с городом.

Нейра посмотрела на него так же, как Лира смотрела, когда он пытался определить правильный риск за неё.

— Ты стал похож на мать.

Тарен отступил от стекла.

— Я прошёл два города, чтобы найти тебя.

— И я благодарна. Но поиск не делает тебя владельцем моего следующего решения.

Лири молчала. Собственные слова вернулись через другого человека.

В зал вошла Аса.

— Время встречи закончено.

— Прошло пять минут, — сказал Тарен.

— Хранитель сезонов приказал доставить Нейру в Центр. Её союз признан угрозой модели.

За стеклом открылась дверь. Двое служащих подошли к Нейре.

Ивен появился с другой стороны и встал перед ней.

— Она идёт только со мной.

— Ваш совместный статус приостановлен, — ответил служащий.

Цифра на их запястьях погасла.

Нейра схватила Ивена за руку.

Тарен ударил по стеклу.

— Аса, открой.

Она не двигалась.

— Если открою, вас арестуют вместе, — сказала она. — Сначала поговорите с Элларом Солом. Он согласился принять вас утром.

— К утру Нейру уже обработают.

— Не обработают. Я поставила медицинский запрет на процедуры из-за беременности.

— Почему помогаете?

Аса посмотрела на красный круг с цифрой 1 на его запястье, потом на Лиру.

— Потому что однажды тоже хотела, чтобы четырёхсотый день оказался не последним.

Нейру увели вместе с Ивеном.

Перед дверью она обернулась.

— Тарен, не спасай меня вместо меня.

Стекло стало непрозрачным.

Лири коснулась плеча Тарена. Он не отстранился, но и не повернулся.

— Она жива, — сказала Лири.

— И уже сердится. Значит, точно она.

На его запястье светился первый день нового союза.

На стене зала — двадцать семь дней до конца чужого.

Интерлюдия. Сороковой день

Когда Нейре было девять, она решила, что на четырёхсотый день все люди исчезают.

Такой вывод казался логичным. В Доме сорок взрослые появлялись, жили рядом несколько месяцев, иногда приносили подарки, а потом переставали приходить. Воспитатели объясняли, что союз закончился и каждый продолжил свой путь. Но если путь продолжался, почему никто не возвращался хотя бы попрощаться с ребёнком, которому обещал научить завязывать шнурки или показать ремонт климатического кольца?

Тарену было пятнадцать, и он уже умел отвечать на вопросы так, чтобы взрослые считали разговор завершённым.

— Они не исчезают, — сказал он. — Им запрещают возвращаться.

— Это одно и то же.

— Нет. Если человек исчез, он не выбрал. Если не пришёл — мог выбрать.

— А если ему запретили?

Тарен затянул узел на её ботинке.

— Тогда однажды нужно спросить, почему он послушался.

Через неделю в Дом пришёл их отец. Его союз с Сеной закончился пять лет назад, и по правилам он не имел права искать детей. Он стоял за оградой, пока воспитатели вызывали Службу сезонов.

Нейра запомнила не лицо — лицо потом вымыли процедурой из большинства детских записей. Она запомнила, как мужчина держал руки: открытыми, пустыми, чтобы никто не решил, будто он собирается что-то отнять.

Сена вышла к нему первой.

— Ты нарушаешь порядок, — сказала она.

— Я пришёл увидеть их.

— Они не принадлежат нам.

— Я знаю.

— Тогда уходи.

— Не принадлежать и не быть связанными — разные вещи.

Тарен прижал Нейру к себе. Она чувствовала, как быстро бьётся его сердце.

Отец увидел их за стеклом и улыбнулся. Всего на секунду. Потом служащие увели его.

В ту ночь Тарен собрал рюкзак.

— Куда ты?

— Найду его.

— Меня возьми.

— Ты маленькая.

— Ты говорил, что это не аргумент.

— Когда?

— Всегда.

Он сел рядом.

— Я не уйду сегодня. Сначала узнаю, куда отправляют нарушителей. Потом найду способ вернуться за тобой.

— Обещаешь?

В Таэре детей учили не требовать обещаний после окончания связи. Тарен уже тогда избегал этого слова.

— Я постараюсь, — сказал он.

Нейра разозлилась и отвернулась.

Через три года брат действительно ушёл. Не попрощался, потому что считал, что так ей будет безопаснее. Не вернулся, потому что нашёл линию в Атрию, потом Сектор Ноль, потом слишком много людей, которых нужно было спасать.

В родильном Доме, двадцать семь дней до Размыкания, Нейра снова вспомнила детский разговор.

Она поняла, что Тарен всю жизнь различал исчезновение и уход, но так и не научился оставлять другим право увидеть сам момент выбора.

Поэтому, когда брат вошёл в зал наблюдения, она не попросила разбить стекло.

Сначала спросила:

— Ты долго.

А потом, когда он начал объяснять, почему должен немедленно забрать её из Таэра, Нейра положила ладонь на живот и сказала:

— На этот раз ты не вернёшься за мной. Ты останешься рядом, пока я сама решу, куда идти.

Глава 4. Ивен Сай

Ивен Сай умел чинить климатические кольца, но не умел отвечать на простой вопрос: останется ли он после четырёхсотого дня.

В Центре сезонов его посадили в отдельную комнату. На столе лежала форма досрочного Размыкания. Подпись Нейры уже стояла — подделанная, но система считала её действительной.

— Ваш союз создаёт зависимость, — сказал наблюдатель. — Беременность усилила страх потери. После процедуры эмоциональное давление снизится.

— А ребёнок?

— Передаётся в Дом. Вы сможете наблюдать развитие в общих отчётах.

— Это мой ребёнок.

— Биологически. Социально дети принадлежат городу.

Ивен смотрел на подпись Нейры. Он знал каждую особенность её почерка: она соединяла буквы слишком быстро и всегда оставляла маленький разрыв перед последней. Здесь разрыва не было.

— Она не подписывала.

— Согласие оформлено по протоколу угрозы модели.

— Значит, согласия нет.

Наблюдатель вздохнул.

— Вы инженер, господин Сай. Представьте климатическое кольцо. Если один узел решит удерживать поток дольше расчётного срока, система перегреется. Союзы Таэра работают так же.

— Люди не клапаны.

— В кризис все становятся функциями.

Ивен вспомнил, как Нейра впервые пришла на техническую станцию. Она назвалась демографом из внешнего проекта и задавала вопросы, которые казались невежливыми: почему дети не знают родителей, почему бывшим партнёрам запрещено разговаривать, почему память после Размыкания становится мягкой и неполной. Ивен отвечал официальными фразами. Потом начал сомневаться, потому что ей было недостаточно фраз.

Он взял форму и разорвал.

Дверь открылась. Вошла Сена Ро.

— Это ничего не изменит, — сказала она.

— Тогда зачем пришли?

— Нейра требует увидеть вас. Я могу устроить минуту.

— Почему помогаете?

— Потому что она моя дочь.

— Вы собирались забрать у неё ребёнка.

— Я собиралась сохранить ей гражданство.

Ивен поднялся.

— Она предпочитает ребёнка.

— Люди часто предпочитают то, что причинит им больше боли.

— Поэтому город выбирает за них?

Сена посмотрела на обрывки формы.

— Когда Тарен был маленьким, он обещал никогда не оставлять сестру. Через много лет ушёл из Таэра и не вернулся. Обещание не удержало его.

— Но он вернулся сейчас.

— Потому что Нейра снова оказалась в опасности. Некоторые люди умеют быть рядом только когда есть кого спасать.

Ивен подумал, что это относится и к нему. Пока союз шёл спокойно, он не говорил о будущем. Теперь, когда город забирал всё сразу, слова вдруг стали необходимы.

Сена провела его в медицинский коридор. Нейра стояла за решётчатой дверью.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Зла. Значит, да.

— Я не подписал.

— Я знала.

— Откуда?

— Если бы подписал, пришёл бы объяснять, почему это разумно.

Он улыбнулся, потом перестал.

— Я боюсь.

— Я тоже.

— Не только Центра. Я боюсь пообещать остаться, а потом однажды захотеть уйти. Тогда обещание станет клеткой.

Нейра подошла ближе.

— Я не прошу гарантировать чувство. Я прошу не позволять календарю решать вместо нас. Если однажды уйдёшь — скажешь мне сам. Не город.

Ивен положил ладонь на решётку.

— Тогда я останусь после четырёхсотого дня.

— Сегодня выбираешь?

— Сегодня.

— Этого достаточно.

Сена стояла в стороне и слушала. На её лице ничего не изменилось, но когда охрана вернулась, она сказала:

— Медицинская встреча ещё не закончена.

И подарила им ещё две минуты.

Интерлюдия. Рабочая смена

Ивен встретил Тарена на климатическом кольце и сразу протянул ему страховочный пояс.

— Надевай.

— Я пришёл поговорить.

— Здесь люди разговаривают, пока работают. Иначе Служба сезонов замечает, что мы тратим время не по назначению.

Кольцо проходило над городом на высоте сорока метров. Под прозрачным настилом медленно вращались вентиляторы, гонявшие по Таэру тёплый влажный воздух. На внешней стороне купола собирался конденсат, и капли падали вниз искусственным дождём.

Тарен закрепил пояс.

— Ты оставишь Нейру после четырёхсотого дня?

Ивен открыл сервисную панель.

— Сразу к делу.

— У нас двадцать шесть дней. Мягкие вступления занимают слишком много времени.

— У меня двадцать шесть дней. У тебя привычка появляться, когда срок почти закончился.

Тарен почувствовал удар точнее, чем ожидал.

— Я искал её.

— Семь месяцев.

— Межгородские линии были закрыты.

— Я не обвиняю. Просто уточняю: ты пришёл спасать человека, чью жизнь знаешь по старым записям.

Ивен вытащил из панели обгоревший фильтр. От него пахло металлом и водорослями.

— Подай ключ номер четыре.

Тарен подал.

— Она хочет остаться с тобой.

— Сегодня.

— И после рождения ребёнка.

— Вероятно.

— Ты всегда говоришь о её выборе как о прогнозе?

Ивен резко повернулся.

— А ты всегда называешь выбором только тот ответ, который тебе нравится?

Вентилятор под ними изменил частоту. Платформа задрожала.

— Держи кабель, — сказал Ивен.

Они работали молча несколько минут. Тарен видел, что мужчина знает систему на ощупь: различает вибрацию по звуку, заранее угадывает, какой контакт перегорел. Нейра в сообщениях называла его осторожным. Тарен представлял слабость. Теперь понял: осторожность Ивена была профессиональной привычкой человека, отвечавшего за воздух целого района.

— Почему четыреста дней? — спросил Тарен.

— Потому что первые основатели Таэра заметили: большинство конфликтов становилось разрушительным после того, как люди начинали считать совместное прошлое правом на будущее.

— Это учебная версия.

— А твоя?

— Государству проще управлять людьми, которые не успевают построить долгие связи.

— Тоже учебная. Только подпольная.

Ивен закрыл панель и сел на край площадки.

— Мои родители остались вместе после срока. Отец начал решать, где мать работает, с кем говорит, когда рождает второго ребёнка. Каждый раз говорил: «Мы столько прожили, ты не можешь всё разрушить». Когда она попыталась уйти, он использовал детей. После этого она поддержала закон о принудительном Размыкании.

— Один человек не доказывает необходимость закона для всех.

— А один счастливый союз не доказывает, что закон не нужен никому.

— Я не предлагаю запретить расставание.

— Ты предлагаешь оставить решение людям, будто люди всегда принимают его свободно.

Тарен посмотрел вниз. На улицах двигались пары с цифрами на запястьях. Казалось, город действительно нашёл простой способ не позволять прошлому становиться цепью.

— Тогда почему Нейру заставляют отдать ребёнка? — спросил он.

Ивен отвёл взгляд.

— Потому что система считает родительство пожизненной связью.

— И ты согласен?

— Нет.

— Но подпишешь передачу.

— Если откажусь, нас разлучат раньше, Нейру лишат медицинского доступа, а ребёнка всё равно заберут.

— Значит, подчинишься.

— Значит, выбираю вариант, в котором она безопасно рождает.

— Ты называешь выбором перечень угроз.

— А ты называешь сопротивлением поступок, цену которого заплатит беременная женщина.

Вентилятор снова загудел. Ивен проверил показатели.

— Починили, — сказал он.

— Не всё.

— Климатическое кольцо — да.

Они спустились по узкой лестнице в сервисный коридор. У выхода ждал служащий Центра сезонов. Он проверил браслеты и сообщил Ивену:

— Ваш доступ к родильному Дому будет прекращён на четырёхсотый день независимо от статуса ребёнка.

— Я подал заявление на продолжение родительского контакта.

— Родительский контакт может усиливать остаточную связь с бывшей партнёршей.

— Я готов проходить оценку.

— Оценка не предусмотрена.

Служащий ушёл.

Тарен посмотрел на Ивена.

— Ты уже подал заявление.

— Три раза.

— Нейра знает?

— Нет.

— Почему?

Ивен устало прислонился к стене.

— Потому что не хочу, чтобы она строила надежду на решении, которое Совет не примет.

— Ты решил, что ей безопаснее не знать.

— Похоже, это семейная болезнь Ро — обвинять людей в тайной заботе, а потом самому исчезать ради их спасения.

Тарен хотел ответить, но не смог.

Ивен протянул ему копии заявлений.

— Покажи ей сам. Она разозлится, что я молчал. Пусть. Только не говори, что я останусь. Я не знаю, хватит ли мне смелости потерять работу, город и доступ к ребёнку одновременно.

— Смелость появляется после решения, не до.

— Это удобно говорить человеку, который уже уходил.

Тарен спрятал документы.

На выходе Ивен остановил его.

— Если мы изменим закон, ты заберёшь Нейру в Атрию?

— Если она захочет.

— А если захочет остаться здесь со мной?

Тарен задержался.

Ему не нравился ответ. Именно поэтому он был важен.

— Тогда я помогу ей остаться.

Ивен кивнул.

Это ещё не делало их союзниками. Но впервые оба признали, что любовь к Нейре не давала ни одному из них преимущественного права решать её будущее.

Глава 5. Дом детей

Утром Лира пришла в Дом сорок, где выросли Тарен и Нейра.

Она ожидала казённые спальни и безликих воспитателей. Вместо этого увидела просторный сад под прозрачной крышей, мастерские, музыкальный зал и десятки детей, которые бегали между взрослыми без страха. На стенах не было семейных портретов, но было множество общих фотографий групп.

— Здесь лучше, чем я представляла, — призналась она.

Сена шла рядом.

— Вы думали, мы складываем детей в ящики после рождения?

— В Атрии говорили, что за стеной живут люди без семей.

— А нам — что в Атрии дети принадлежат двум взрослым, которые формируют из них копии себя.

Мальчик лет шести подбежал к Сене и обнял её за колени. Она наклонилась, поправила ему воротник и назвала по имени. В её движении было столько привычной нежности, что Лира снова ощутила сложность мира: жестокий закон мог исполнять человек, способный любить.

— Почему родители не могут воспитывать детей вместе с Домом? — спросила Лира.

— Потому что биологическая привязанность создаёт неравенство. Один ребёнок получает больше внимания, другой меньше. Дом даёт каждому одинаковый круг взрослых.

— Одинаковый не значит выбранный.

— Ребёнок не способен выбирать в младенчестве.

— Но вы способны выбрать за него навсегда?

Сена остановилась у окна. Внизу дети строили модель города из деревянных колец.

— После первых поколений Таэра семьи образовывали закрытые группы. Родители копили ресурсы для своих детей, передавали должности, мстили за родственников. Дом разрушил наследуемую власть.

— И вместе с ней связь.

— Не всякая связь полезна.

— Вы говорите как Салвея Орн.

— Она говорила как человек, прочитавший те же архивы Основателей.

Лира пришла не спорить. Ей нужен был доступ к данным Нейры. В Доме хранились родственные коды, которые Центр сезонов не мог полностью переписать.

Сена провела её в архив. На терминале появились профили Тарена и Нейры. Рядом с именем Нейры — скрытый файл «Мост».

— Вы знали о программе? — спросила Лира.

— После её возвращения. Она прибыла под новым кодом, но я узнала походку. Система приказала считать её чужой.

— И вы подчинились?

— Публично.

Сена открыла ящик. Внутри лежали письма, которые Нейра писала брату, но не могла отправить.

— Я сохраняла их.

Лира взяла верхнее.

Тарен, они говорят, что родство — такая же зависимость, как любовь. Наверное, поэтому я всё равно помню тебя после каждой процедуры.

— Почему не передали раньше?

— Любой контакт вывел бы Совет на него. Я ждала безопасного канала.

— Или ждала, пока решение станет безрисковым.

Сена закрыла ящик.

— Вы молоды и недавно разрушили один порядок. Поэтому вам кажется, что смелость всегда лучше осторожности.

— Нет. Мне кажется, что осторожность должна иметь срок.

В архив вошла девочка лет десяти.

— Сена, это правда, что Нейра оставит ребёнка себе?

— Возможно.

— Тогда он не будет жить с нами?

— Возможно.

Девочка нахмурилась.

— Это нечестно. У него будет мама, а у нас нет.

Сена опустила перед ней.

— У тебя есть я, Лор, Мик, Тасса и все воспитатели.

— Но никто не выбрал именно меня.

Вопрос повис между взрослыми.

Лири увидела, как боль прошла по лицу Сены. Может быть, впервые она услышала не аргумент против Дома, а потребность конкретного ребёнка.

— Я выбираю заботиться о тебе сегодня, — сказала Сена.

— А завтра?

— И завтра.

— Тогда это почти обещание.

Девочка убежала.

Сена долго смотрела ей вслед.

— Тарен говорил то же самое, — сказала она. — Всегда требовал завтра.

Глава 6. Бывшая

Аса Рей пригласила Тарена на крышу Службы сезонов.

В Таэре бывшим партнёрам запрещалось встречаться без официального наблюдателя. Но Аса сама была наблюдателем, а значит, могла нарушать правило законно.

С крыши были видны четыре кольца города. На фасадах горели цифры. В полдень каждая менялась одновременно, напоминая людям, что срок движется даже когда они стоят.

— Ты похудел, — сказала Аса.

— Ты стала начальником.

— Оба плохо справились с жизнью после Размыкания.

Тарен опёрся о парапет.

— Ты могла сообщить, что Нейра вернулась.

— Её код заблокировали.

— Ты всегда находила способы обойти блокировку.

— А ты всегда считал, что мои возможности существуют для твоих целей.

Он принял упрёк.

— Почему теперь помогаешь?

Аса показала на собственное запястье. На нём не было нового номера союза.

— После тебя я заключила два. Оба закончились правильно. Прошла процедуры, отдала общие вещи, не возвращалась. И всё равно каждый раз в четырёхсотый день вспоминала наш.

— Я тоже помнил.

— Но не пришёл.

— Закон запрещал.

— Ты никогда не уважал закон, который считал неправильным.

Тарен посмотрел на неё.

— Ты хотела, чтобы я пришёл?

— В тот день — да. Через год — не знаю. Сейчас — нет.

— Тогда зачем этот разговор?

— Чтобы ты не повторил со своей атрийкой то, что сделал со мной.

— Лиру зовут Лира.

— Уже защищаешь имя. Значит, серьёзно.

— Что я сделал с тобой?

Аса подошла ближе.

— Ты говорил, что не веришь срокам. Что наше чувство сильнее закона. А в четырёхсотый день подписал Размыкание первым.

— Твоего отца уже арестовали за продление. Ты просила не превращать нас в ещё один повод уничтожить семью.

— Я просила дать мне время решить. Ты решил за обоих, назвав это защитой.

Слова были слишком знакомыми. Лира сказала почти то же самое в Атрии. Нейра — за стеклом.

— Я думал, если уйду первым, тебе будет легче.

— Было проще злиться. Не легче.

Тарен посмотрел на кольца города.

— Я не знал, как остаться и не превратить обещание в владение.

— И до сих пор не знаешь.

— Нет.

Аса кивнула, словно честный ответ был единственным, ради которого позвала.

— Элнар Сол встретит вас сегодня. Он хочет использовать Лиру как доказательство того, что свобода Атрии приведёт к хаосу. Не спорь с ним о любви. Он верит только в устойчивость.

— Что его убедит?

— То, что город может пережить людей, которые не уходят вовремя.

— Нейру отпустят?

— Если Элнар решит, что её союз не станет примером. То есть нет.

Она протянула ему карту Центра сезонов.

— Здесь нижний архив. В нём записи всех Размыканий за пятьдесят лет. Посмотри, что происходит с памятью на самом деле.

— Почему не открыла сама?

— Потому что я служу системе и хочу сначала увидеть, есть ли за дверью что-то, ради чего стоит предать её.

Тарен взял карту.

— Вы все любите отправлять меня первым в опасные места.

— Ты возвращаешься лучше других.

Он направился к лестнице.

— Тарен.

Он обернулся.

— Я рада, что ты жив.

— Я тоже рад, что ты больше меня не ждёшь.

Аса улыбнулась.

— Не льсти себе. Иногда я просто люблю заканчивать разговор последней.

Интерлюдия. День четыреста один

Аса Рей встретила четыреста первый день союза с Тареном одна.

Квартира уже принадлежала другой паре. Система выдала ей комнату в служебном квартале, новое расписание и рекомендацию не посещать улицы, связанные с прежним партнёром, в течение сорока дней. Совместные фотографии удалили автоматически. Его чашку забрали во время санитарной проверки.

Остался только след на стене — светлый прямоугольник там, где висела карта каналов.

Размыкание прошло успешно. В отчёте значилось: эмоциональная реакция снижена на семьдесят четыре процента, планы общего будущего удалены полностью, телесная память будет угасать естественно.

Аса читала цифры и не понимала, почему продолжает ставить воду на две чашки.

Она пошла в Центр сезонов и потребовала повторную процедуру.

— У вас нормальный остаток, — сказал специалист.

— Я помню привычки.

— Навыковая память не относится к опасной привязанности.

— Я знаю, что он не любит горький чай.

— Эта информация не вынуждает вас искать его.

— А если вынуждает?

Специалист посмотрел на шкалу.

— Тогда проблема не в памяти, а в вашем решении.

Аса впервые услышала от служащего Таэра фразу, в которой решение принадлежало ей, и возненавидела его за это.

Она не прошла повторную процедуру. Вместо этого вернулась на службу, стала образцовым сотрудником и через несколько лет получила право сопровождать нарушителей. Среди них были люди, которые умоляли оставить им хотя бы одно воспоминание, и те, кто требовал удалить всё, потому что без забывания не могли перестать возвращаться в чужую жизнь.

Аса видела обе стороны. Поэтому не считала систему полностью ложной.

Но каждый раз, подписывая принудительное Размыкание, вспоминала две чашки.

Когда Тарен вернулся в Таэр с Лирой, остаток связи отозвался не любовью. Скорее раздражением тела, узнавшего шаги раньше, чем разум признал человека.

На крыше Службы сезонов Аса сказала ему:

— Ты выглядишь хуже.

— Ты тоже.

— Значит, время работает справедливо.

Он улыбнулся. Эта улыбка почти не изменилась.

— Ты проходила процедуру? — спросил Тарен.

— Конечно.

— Полностью?

— Семьдесят четыре процента.

— Конкретная цифра.

— В отличие от тебя, я уважаю отчётность.

Он подошёл к краю крыши. Внизу светились календари пар.

— Я тогда ушёл до окончания, — сказал он.

— На три часа.

— Думал, так будет легче.

— Кому?

Тарен не ответил.

Аса усмехнулась.

— Вот поэтому Лира на тебя злится.

— Она не рассказывала.

— Не нужно быть аналитиком Атрии, чтобы заметить женщину, которая стоит рядом с тобой так, будто готова удержать и ударить одновременно.

— Что ты хочешь?

Аса посмотрела на него.

Когда-то она мечтала, что после четырёхсотого дня он нарушит закон и вернётся. Потом — что никогда не вернётся, чтобы воспоминание перестало ждать. Сейчас оба желания казались чужими версиями её жизни.

— Я хочу, чтобы ты не сделал с ней то же самое, — сказала Аса. — Не называй уход жертвой, если заранее лишил другого возможности возразить.

— А ты?

— Что я?

— Чего хочешь от меня сейчас?

Она подумала.

— Чтобы ты признал: между «навсегда» и «никогда» существует ещё множество дней. И на каждом из них человек может прийти сам.

Тарен кивнул.

Когда он ушёл, Аса вернулась в кабинет и впервые открыла старый отчёт Размыкания. Внизу находилась строка, которой она не замечала:

Непроцедурный эмоциональный остаток допускается сохранить по личному заявлению.

Заявление никто ей не предложил.

Аса распечатала строку и положила на стол. Не как доказательство прежней любви. Как напоминание, что даже система, говорившая о свободе, умела прятать выбор в самом мелком шрифте.

Часть II. Календарь

Глава 7. Календарь на стене

В квартире временных союзов был только один календарь, и Лира возненавидела его в первый вечер.

Красная цифра 2 светилась над кроватью, на кухонной панели и даже в зеркале ванной. Она означала второй день договора с Тареном. Через двадцать восемь система потребует Размыкание.

— Можно отключить? — спросила Лира.

— Нет, — ответил Тарен. — Считается, что видимый срок помогает не строить ложных ожиданий.

— Он помогает думать только о сроке.

— В этом и смысл.

Квартира была уютнее, чем её атрийский дом, и менее личной. Мебель рассчитана на быстрый обмен жильцами. На полке стояли книги, оставленные прежними парами, в шкафу — две одинаковые дорожные сумки для разъезда в четырёхсотый день.

Лира положила вещи в отдельную комнату.

— Вы будете спать там? — спросил Тарен.

— Система зарегистрировала договор, а не право на мою кровать.

— Я и не претендовал.

— Вы спросили.

— Потому что в Атрии мы дважды целовались и один раз спали в соседних палатах. Хотел понять новую границу.

Лира закрыла шкаф сильнее, чем требовалось.

— Граница сейчас — правда. Аса, предыдущий союз, ваши сомнения. Я не собираюсь выяснять всё в постели.

— Справедливо.

Его спокойствие раздражало ещё больше.

— Вы даже не будете спорить?

— Вы просите пространство. Спорить — плохой способ его дать.

Лира посмотрела на него. В Атрии Тарен постоянно сопротивлялся её приказам, но когда просьба становилась ясной, умел остановиться. Это было одной из причин, почему рядом с ним становилось опасно легко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.